

Цзи Юйцзинь взглянул на неё, и зрачки Цзи Юйлань внезапно сузились. Она увидела отказ в его глазах.

Она почувствовала лёгкое беспокойство, изогнув губы в натянутой улыбке:

— Я даже готова выйти за такого евнуха, как ты, чего тебе ещё желать?

На лице Цзи Юйцзиня промелькнул след отвращения:

— Тогда мне и впрямь следует поблагодарить тебя за твою милость, госпожа Кузина. Как такой евнух, как я, может быть достоин тебя?

Его даже тошнило — это был физиологический позыв. Цзи Юйцзинь прижал кончик языка к верхнему нёбу и силой подавил тошноту.

После того как его мать и дядя один за другим ушли из жизни, Цзи Юйцзинь внезапно обнаружил, что виновником всего этого был его отец, которым он всегда восхищался. Не будет преувеличением описать это как «небо падает и земля раскалывается» в то время.

А его отец, Се Цзинши, князь Чэньнань, занимал высокое положение власти, он был князем целой земли, у него была сильная армия и кони, и умерло всего один или два человека. Без убедительных доказательств кто осмелился бы обвинить его?

В то время ему было всего шестнадцать лет, и противостоять Се Цзинши было всё равно что муравью противостоять слону. То немного, что он знал, и люди под его началом были лишь шуткой для Се Цзинши. Хотя он и хотел испить его крови и съесть его плоть, самой большой угрозой, которую он мог представить в то время, было разорвать с ним связи. С тех пор они больше не были союзниками, и он больше не был наследником особняка князя Чэньнаня.

Вот и всё.

С другой стороны, родня его матери по материнской линии и семья его дяди не могли выплеснуть своё горе и гнев. Они не смели искать князя Чэньнаня, поэтому могли искать только его. Уродливые проклятия не прекращались с утра до ночи, и он слышал все грязные слова.

Юная Цзи Юйлань подбежала, вцепилась зубами в его запястье и плакала перед ним:

— Это всё твоя вина. Ты должен возместить моего отца.

Сопротивляться было совершенно невозможно, так как все его бывшие одноклассники и друзья стояли на стороне Цзи Юйлань и смотрели на него с презрением.

— Се Юйцзинь, ты ещё смеешь прятаться? Это всё из-за твоего отца Цзи Юйланы потеряла своего отца.

— Се Юйцзинь, просто дай ей выпустить пар. Ей сейчас нехорошо.

— Ты жив и здоров, а твой дядя умер из-за твоего отца. Чего ты прячешься?

— Верно, Се Юйцзинь, ты должен искупить свои грехи, ты должен уступить Юйланы и делать всё, что Юйланы от тебя попросит.

Он просто принял это, и с его яркой личностью он сжался в разочаровании.

Искушение? Он не понимал, искупает он или нет.

Даже его бабушка и дедушка, которые всегда любили его, больше не хотели его видеть. Он воистину стал великим грешником.

Мир так велик, а он был совершенно один. Для него и впрямь не было места.

Приняв так много, он тоже задавался вопросом, что он сделал не так.

Однако вскоре он понял суть проблемы. Слабые всегда были неправы. Он должен был стать достаточно сильным, чтобы победить Се Цзинши. Поэтому он самовольно сменил фамилию на Цзи, и с тех пор его звали Цзи Юйцзинь.

В то время император намеревался создать ещё одну организацию, подобную Дунчану, поэтому он принял ещё одно решение, точно так же, как сделал это в Золотом Зале раньше, и превратился из наследника особняка князя Чэньнана в самого презренного евнуха.

День за днём испивая кровь на острие меча, он также стал главой Сичана.

Те, кто когда-то презирал его, больше не смели говорить ничего против его воли, но он всё ещё не мог смотреть в глаза людям из особняка Цзи.

За эти годы Цзи Юйланы, казалось, была одержима им. Где бы он ни появлялся, она была там. Это было всё то же объяснение, которое она дала много лет назад. Это был кошмар, от которого он никогда не мог убежать.

Видя, что он ничего не говорит, Цзи Юйланы нахмурилась и спросила:

— Если ты не женишься на мне, ты заплатишь жизнью?

Цзи Юйцзинь поджал губы и взглянул на неё, словно что-то обдумывая.

— Э-э... — Цзи Юйлань была раздражена, её лицо стало свирепым, и она вытащила откуда-то кинжал и протянула его Цзи Юйцзиню: — Хорошо, если ты не разведёшься с ней и не женишься на мне, тогда заколи себя. Независимо от того, выживешь ты или умрёшь, между нами больше ничего не будет. Как насчёт этого?

Цзи Юйцзинь взял кинжал из её руки и с улыбкой сказал:

— Есть даже такая хорошая вещь.

С этими словами он начал вертеть кинжал в пальцах и прикладывать его к своему телу, словно раздумывая, куда лучше всего ударить. Будь это кто-то другой, люди подумали бы, что он не станет на самом деле закалывать себя, но Цзи Юйцзинь был другим. Он был безумцем, и ничто из того, что он делал, не было бы удивительным.

Все были ошеломлены, особенно Цзи Юйлань. Она не ожидала, что Цзи Юйцзинь и впрямь возьмёт кинжал.

Чу Фэнцин поджал губы, протянул руку и схватил кинжал, забрав его из руки Цзи Юйцзиня. Редко когда он был так зол, и он взглянул на Цзи Юйцзиня своими ясными глазами.

Цзи Юйцзинь слегка опешил, увидев гнев в его глазах.

Чу Фэнцин обернул кинжал платком, чтобы острое лезвие никого не поранило, а затем вернул его Цзи Юйлань, сказав холодным тоном:

— Хотя и неуместно говорить опрометчиво, не испытай ничего на себе, но это дело и впрямь несколько возмутительно.

— Корень этого дела кроется в князе Чэньнани. Хотя я не знаю подробностей, но несправедливо со стороны юной госпожи Цзи винить во всём Цзи Юйцзиня.

Цзи Юйлань никогда не любила Чу Фэнцина, и её выражение лица по отношению к нему было далеко не приятным. Она заговорила резко:

— Какое это имеет отношение к тебе? Почему ты должен совать свой нос и говорить здесь о справедливости?

Цзи Юйцзинь издал звук «Ц-ц» и уже собирался заговорить, как Чу Фэнцин взглянул на него. Цзи Юйцзинь моргнул и ничего не сказал. А потом вдруг осознал: Почему он был таким послушным?

Чу Фэнцин говорил чётко и сдержанно, его слова несли спокойствие, которое было приятно слышать. Он сказал:

— Наш брак был дарован Его Величеством, а Гуйфэй выступила свахой. Я его законная жена. Этого достаточно?

Цзи Юйлань поперхнулась и не могла вымолвить ни слова.

Голос Чу Фэнцина был мягким, но его слова были совсем не вежливыми:

— Цзи Юйцзинь разорвал связи с особняком князя Чэньнаня, вы знали об этом?

Цзи Юйлань открыла рот и хотела что-то сказать, но ни звука не вышло.

Глаза Чу Фэнцина слегка потемнели. Если бы человек перед ним был мужчиной, он бы непременно подошёл и вонзил в него серебряную иглу. Он не понимал, почему мысли некоторых людей так искажены.

— Угрожать ему мстью за вашего отца — воистину низко.

— Кроме того, что Цзи Юйцзинь сделал не так?

Цзи Юйцзинь слегка опешил. Чу Фэнцин был первым человеком, который сказал, что он не был неправ.

Чу Фэнцин обернулся и протянул руку Цзи Юйцзиню:

— Пойдём.

Цзи Юйцзинь уставился на руку и вдруг через некоторое время громко рассмеялся. Прежде чем Чу Фэнцин успел отдернуть руку, он протянул свою и крепко сжал её.

Чу Фэнцин опустил глаза, чтобы посмотреть на их крепко сцепленные руки, но не стал вырываться.

Цзи Юйлань:

— Цзи Юйцзинь, ты и впрямь уходишь? Если ты посмеешь уйти, я обязательно заставлю тебя пожалеть.

На этот раз Цзи Юйцзинь проигнорировал её и ушёл со своей женой, не оглядываясь.

После ухода Цзи Юйцзиня из-за двери вышел старик с серебряными волосами, опирающийся на трость. Время оставило глубокие следы на его лице. Он уставился на спину молодого человека. Это лицо так походило на его юную дочь, так походило, что он был немного ошеломлён.

Когда Цзи Юйлань увидела старика, она немедленно подбежала. Она прильнула к его плечу, слёзы текли по её щекам. Она всхлипывала и плакала:

— Дедушка, он лучше умрёт, чем женится на мне. Почему...

— Почему... Дедушка, мне так плохо.

Господин Цзи коснулся её головы, тёмный свет промелькнул в его мутных глазах, когда он похлопал её по спине и сказал:

— Такие вещи нельзя заставить. Прошло уже столько лет. Достаточно. Отпусти его, дитя, отпусти его, и себя тоже отпусти.

Цзи Юйлань покачала головой, её глаза были красными, и она плакала так сильно, что не могла говорить.

Она восхищалась им с детства и всегда мечтала однажды выйти за него замуж. Но позже он стал евнухом, и она начала колебаться. Как она могла выйти за евнуха? Она стала свидетелем падения Цзи Юйцзиня и его превращения из любимца небес в дурного человека. Казалось, она уже не так сильно его любила.

Временами она задавалась вопросом, не любила ли она только амбициозного, ослепительного Цзи Юйцзиня, потому что, стоило ему впасть в немилость, он переставал быть тем же мужчиной.

Прошло уже больше десяти лет. Отпустить не так-то просто. Он стал всей её юностью. Цзи Юйцзинь, глубоко запечатлённый в её сознании, стал её одержимостью. Ей не хотелось отказываться от него, но она не могла принять этого Цзи Юйцзиня. Она не могла ни проглотить, ни выплюнуть. Это стало занозой в её сердце. Если не трогать — ничего, но стоило шевельнуть — и становилось больно.

Она тоже не понимала, почему всё так обернулось. Раньше всё было явно не так.

Они вдвоём «сбежали» из особняка. Когда они и впрямь вышли, Чу Фэнцин спросил:

— А как же день рождения дедушки, если мы уйдём?

Цзи Юйцзинь взглянул на него и изогнул губы:

— Ты только сейчас об этом подумала?

Чу Фэнцин нахмурился и сказал:

— Простите, я больше не могла там оставаться.

Цзи Юйцзинь:

— Из-за меня?

Чу Фэнцин на этот раз не стал отрицать. Вместо этого он кивнул и сказал:

— Эн. — Они не должны так с вами обращаться.

Цзи Юйцзинь поднял глаза к небу, тяжесть в его глазах медленно угасла, и он небрежно спросил:

— Что? Ты расстроена?

Чу Фэнцин:

— Ах, вы такой неискренний.

Цзи Юйцзинь изогнул губы и улыбнулся, отвечая на его предыдущий вопрос:

— С днём рождения всё в порядке. Я уже отправил подарок. Всё равно этот старик тоже не хочет меня видеть.

Они шли по снегу, который сильно кружил и вскоре покрыл их плечи, но никто не упомянул о зонте.

Красная одежда Цзи Юйцзиня выделялась на снегу. Он поднял взгляд, и кусочек снега упал ему на губы. Он улыбнулся и сказал:

— Снег сладкий.

Чу Фэнцин:

— Как снег может быть сладким? Вы, должно быть, только что съели конфету, и во рту всё ещё был сладкий вкус.

Цзи Юйцзинь взглянул на него искоса и кивнул:

— Да, очень сладкая конфета.

— Хочешь узнать всю историю?

Чу Фэнцин:

— Вы хотите рассказать?

Цзи Юйцзинь:

— Эн.

Чу Фэнцин кивнул:

— Эн, я хочу знать.

В те годы разум Цзи Юйцзиня был полон юношеских амбиций. Он мечтал построить карьеру, ежедневно думал о том, как изгнать татар, защитить землю, принести мир людям, обеспечить хорошие урожаи и оставить своё имя в истории.

Но пока он занимался всем этим, его мать тяжело заболела. Когда он услышал новость и помчался обратно, было уже слишком поздно. Его мать уже похоронили.

В тот день шёл сильный снег, покрывший тысячу миль льдом. Мёртвые деревья ломались одно за другим под его тяжестью, ледяные кристаллы рассыпались повсюду, но ничто из этого не было таким же холодным, как несколько слов, высеченных на надгробии.

Цзи Юйцзинь стоял на коленях прямо перед могилой несколько часов. Он всегда был ярким, но теперь выглядел безжизненным в белом. Он стоял на коленях перед могилой и на самом деле ни о чём не думал. Он просто в оцепенении смотрел на первые несколько слов.

Лишь когда он простоял на коленях неизвестно сколько времени и его тело так замёрзло, что он не мог двигаться, образ его матери возник в его сознании. Он подумал, что если бы его мать всё ещё была здесь, она бы обняла его с болью в сердце и, возможно, даже отругала бы за пренебрежение здоровьем, а затем ему пришлось бы усердно стараться, чтобы рассмешить её.

Он лучше всех знал, как сделать свою мать счастливой. Хотя она была дамой из богатой семьи, она обожала слушать базарные шутки. Она была счастлива долгое время после того, как слушала их. Цзи Юйцзинь смеялся, думая об этом. Он накопил их очень много и даже собрал ещё немного, когда ездил на север на этот раз, и собирался рассказать ей, когда вернётся.

Но она ушла, и после того, как она ушла... никто больше не спрашивал его об этом, шутки были бесполезны, и никого больше не волновало, замёрз он или нет.

Цзи Юйцзинь:

— Те книги с шутками всё ещё в моей комнате. Я всегда надеюсь, что однажды смогу рассказать их кому-нибудь и сделать его счастливым.

Чу Фэнцин поджал губы, его холодный голос звучал так, будто был пропитан снегом, очень приятно для слуха:

— Однажды у богача был ребёнок, который был слегка умственно отсталым, поэтому он пригласил самого уважаемого учителя в стране, надеясь, что ребёнок станет мудрее. Богач сказал ребёнку, что тот должен научиться всему у учителя, а затем ушёл, закончив говорить.

— Ребёнок был очень послушным, подражая каждому движению учителя до мельчайших подробностей. Во время ужина учитель поднял взгляд и увидел, что ребёнок подражает его странному выражению лица, он не мог не рассмеяться, случайно подавился рисовым зёрнышком, начал плакать и кашлять, и сильно хлопнул по столу. Ребёнок на мгновение опешил, разрыдался и сказал: «Учитель, это слишком сложно, я не могу этому научиться. Можете ли вы сделать это проще?»

Цзи Юйцзинь слегка вздрогнул и посмотрел на него.

Глаза Чу Фэнцина были слегка изогнуты, и в его ясных глазах был оттенок улыбки, яркой, как звёзды. Он спросил:

— Разве не смешно?

Он шагал по снегу с прямой спиной, его голос был чистым и звонким, словно сталкивающийся жемчуг. Он сказал:

— Взбодритесь, если вы не против, я расскажу вам позже несколько базарных шуток, хорошо?

У автора есть что сказать:

Я не знаю, где я услышал эту шутку, поэтому изложил её своими словами. Это не моя собственная идея, но я также не знаю, где находится оригинальная.

<http://bllate.org/book/17231/1616053>